

4. Переход к прогрессивной шкале подоходных налогов, налогов на недвижимое имущество, учет крупных расходов и их налогообложение. Снижение ставки налога для людей с невысокими доходами должно компенсироваться за счет более высокой ставки для состоятельных граждан.

Перераспределение доходов — это принципиально важный способ создания оптимальных условий для ускорения экономического роста и изменения направления вектора демографической динамики. Без увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы и увеличения доходов малоимущих не решить проблем нарастающей относительной бедности и увеличивающегося разрыва между бедными и богатыми. Таким образом, на сегодня основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в области недостатка денежных ресурсов в стране, а в механизмах их распределения и перераспределения [10].

Реальная модернизация российской экономики невозможна без трансформации российского общества, а последнее невозможно без преодоления бедности и огромного социально-экономического неравенства населения.

Список литературы

- [1] Жеребин В. М., Романов А. Н. Уровень жизни населения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
- [2] Мазур О. А. Преодоление бедности работников как условие расширенного воспроизводства капитала // Экономические науки. 2010. № 1. С. 47—59.
- [3] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. Росстат. М., 2009.
- [4] Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. Росстат. М., 2010.
- [5] Римашевская Н. М. Риски бедности в современной России // Народонаселение. 2010. № 2. С. 4—9.
- [6] Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. Росстат. М., 2010.
- [7] Россия в цифрах. 2010: Краткий стат. сб. Росстат. М., 2010.
- [8] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010: Стат. сб. Росстат. М., 2010.
- [9] Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
- [10] Шевяков А. Ю. Современная социальная политика: мифы и реалии // Народонаселение. 2009. № 3. С. 4—15.

Санкт-Петербург
sergsemenov38@gmail.com
annkichigin@mail.ru

Поступило в редакцию
15 апреля 2011 г.

Изв. РГО. 2011. Т. 143. Вып. 5

© Н. В. ЗИГЕРН-КОРН

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛОВ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Одним из наиболее перспективных направлений развития общественной географии, методологически обеспечивающим стратегическое видение развития страны, является исследование потенциалов регионального развития. Несмотря на постоянное внимание к этой теме отечественных ученых несовершенство методологии, а значит и методического инструментария, продолжает оставаться сдерживающим фактором региональных исследований, сказывающимся на качестве прогнозных оценок.

К настоящему времени накоплен обширный разнообразный материал в области анализа регионального развития потенциалов, в котором можно даже легко заблудиться и пропустить ценное.

Одним из первых для «оценки всего комплекса природных условий и ресурсов» категорией потенциал воспользовался Ю. Д. Дмитриевский (1968 г.). Им также было введено понятие общего природного потенциала территории как совокупности ее природных ресурсов [1]. Проблема заключалась в отсутствии общего показателя для сопоставления разнородных ресурсов. Далее (1973 г.) А. А. Минц [4] предложил перевод натуральной величины ресурсов в стоимостное выражение и разработал соответствующую методику оценки. Природно-ресурсный потенциал рассматривается им как суммарная народнохозяйственная ценность того или иного сочетания ресурсов, т. е. всех видов естественных ресурсов, исчисленных в стоимостном выражении. Для определения величины потенциала им были отобраны наиболее важные и укрупненные виды ресурсов. Учитывались лишь источники, пригодные для освоения в ближайшие 10—15 лет, величина которых определялась величиной их возможной годовой добычей или продуктивностью. Стоимость единицы сырья определялась по округленным условным ценам, близким к перспективным ценам оптимального плана. Величина потенциала страны была оценена в 1 трлн руб. Предполагалось, что на такую сумму можно ежегодно получать первичную продукцию при рациональном использовании всех известных источников ресурсов. Были получены данные о распределении природно-ресурсного потенциала (ПРП) по территории страны в разрезе основных экономических районов и районов областного ранга. А. А. Минц отмечал, что наряду с индивидуальными чертами, сочетания ресурсов могут обнаруживать и общие признаки, на основе которых возможна их типология по величине, составу и соотношениям.

Продолжая развивать идеи А. А. Минца, Г. А. Приваловская и Т. Г. Рунова (1977 г.) [6] изучают географию природно-ресурсного потенциала и выделяют ареалы с наибольшей насыщенностью ресурсами, обеспечивающими надежную базу формирования ТПК.

Для развития индустриальной экономики страны в условиях жесткого централизованного планирования, где регион представлял собой лишь территориальную ячейку единого народнохозяйственного комплекса, эти исследования представляли несомненную ценность и вполне адекватно отражали суть категории «потенциал регионального развития».

Следует отметить, что у исследователей периода «доперестроечной» экономики особой рефлексии по поводу терминирования и содержания категории «потенциал» не было. В этом смысле примечательна работа 1986 г. Н. Г. Игнатенко и В. П. Руденко [3], которую сегодня часто упоминают исследователи региональных потенциалов и в которой авторами проведено беспрецедентное исследование трактовки понятия «потенциал». Анализу было подвергнуто 70 словосочетаний, используемых в экономико-географической и экономической литературе. Отобранные словосочетания были сведены авторами в шесть смысловых групп, объединяющих термины в наиболее часто употребляемом значении: совокупность, мощность, возможность, способность, потенция, производительность. Отмечая наиболее частое употребление термина в значении «совокупность», авторы также развивают идею о ПРП как показателе, характеризующем совокупность естественных ресурсов. «Потенциал, по нашему мнению, не может быть выражен через потенцию, ибо относится к действительным, реально существующим, а не скрытым, не выявленным объектам ... Поэтому понятие „природно-ресурсный потенциал территории“ включает только уже предварительно изученные, разведанные естественные ресурсы». Рассматривая ПРП как объективную реальность, авторы отмечают его важнейшие свойства — комплексность и эмерджентность; это означает, что совокупная производительность входящих в него естественных ресурсов не равна сумме их производительностей в отдельности. Но в суммарном ПРП этот синергетический эффект авторами не учитывается. Вывод А. А. Минца об отсутствии первоначально предполагавшейся резкой грани между оценками отдельных видов естественных ресурсов и их территориальных сочетаний, на который они ссылаются, а также опыт предыдущих исследователей нельзя считать абсолютным. Он справедлив лишь для статичных детерминированных систем, которыми были регионы в советской экономике.

Не теряет актуальности разработанное учеными этого периода представление о функциональной значимости естественных ресурсов, их роли в процессе комплексного образования.

Отождествление понятий «ресурсы» и «потенциал» — характерная методологическая позиция региональных исследований советского периода.

В переходный для экономики страны период появляются интереснейшие исследования в области методологии исследований ресурсного потенциала. Так, на конструктивность изучения и оценки ПРП именно в контексте выявления недоиспользуемых ресурсов в 1989 г. указывал В. П. Рожков [7]. Изучая агропотенциал, он отмечал историчность и динамичность категории «потенциал». Еще дальше идет К. М. Миско (1992 г.), который, анализируя генетическое происхождение термина «потенциал», настаивает на том, что его исходному содержательному значению больше соответствуют такие функции, как возможность, способность, поскольку они характеризуют скрытые, нереализуемые резервы изучаемого объекта, которые при изменении окружающих условий могут из возможности перейти в действительность [5].

Однако отождествление сути «потенциала» с простой совокупностью явлений еще продолжает господствовать в исследованиях наших соотечественников. В интерпретации категории потенциал в региональных исследованиях явно прослеживаются некие эволюционные ступени.

Господство в данной категории основополагающего значения естественных ресурсов характерно для отечественных исследований советского периода. Причем содержание природно-ресурсного потенциала поэтапно изменяется: от совокупности ресурсов до суммарной народнохозяйственной ценности к производительности всех ресурсов. Можно видеть, как геосистемные представления постепенно обогащались экономическим содержанием.

В работах последних лет понятие потенциала рассматривается уже в контексте регионального развития. Сегодня особенно очевидно, что вне задач прогноза и анализа регионального развития это понятие теряет смысл. Большая часть работ посвящена изучению частных потенциалов как отдельных факторов социально-экономического развития или как совокупности ресурсов определенного функционального назначения (например, рекреационный потенциал).

Другое направление современных исследований связано с поиском интегрального показателя потенциала как совокупности ресурсов и возможностей регионального развития. Это наиболее актуальное и менее разработанное направление, сложность исследования которого заключается в параллельной разработке и современной интерпретации категории регионального развития и целеполагания [5].

Как известно, региональное развитие проистекает в координатах функционального триединства «природа—население—хозяйство», которые составляют природно-территориальный, социально-демографический и экономический блоки, или подсистемы, единой эколого-социально-экономической системы, в качестве которой следует рассматривать регион как объект управления. Геосистемный подход предполагает, что при взаимодействии элементов территориальной системы возникают ее новые свойства, отсутствующие у ее элементов и называемые эмерджентными. Само явление эмерджентности выражает несводимость свойств системы к свойствам ее элементов. Следовательно, интегральный потенциал регионального развития не может быть выражен совокупностью частных потенциалов (например, природно-ресурсного, социально-демографического, экономического или производственного, бюджетного), как это представляется на первый взгляд. Истоки такого заблуждения связаны с предположением, что если факторы социально-экономического развития территориальных систем реализуются через соответствующие виды потенциалов территории (социально-демографический, природно-ресурсный, материально-технический и т. п.), то интегральный социально-экономический потенциал территории можно представить через совокупность последних.

С позиций системного подхода цель существования системы и ее развитие заключаются в реализации ею своего функционального потенциала, т. е. всякая система

осуществляет внешнюю «миссию» по отношению к суперсистеме. Эта «миссия» (функция безусловно обусловлена внутренними факторами развития системы, но не тождественна их совокупности, как не тождественен результат тем ресурсам, которые использованы для его получения. Значит, в контексте регионального развития (регион как эколого-социально-экономическая система) принципиальное значение имеет именно функциональный потенциал, а не «интегральный». При этом становится очевидной ошибочность представления понятия «потенциал» через «совокупность ресурсов». Функциональный потенциал определяет способность региональной системы реализовать конкретную миссию, и эта возможность обусловлена не столько количеством тех или иных ресурсов, сколько особенностью структуры данной территориальной системы. В общем виде — это пропорции и соотношения между элементами триады «природа—население—хозяйство». От структурных особенностей территориальной системы зависит и специфика социально-экономического развития, и ее внешняя функция по отношению к соответствующей суперсистеме. Таким же образом определяется место региона в территориальном разделении труда.

Миссия территории, с одной стороны, определяется конкурентоспособностью и возможностью удовлетворения потребностей национального социально-экономического комплекса согласно своей ресурсной специфике, с другой — необходимостью поддерживать стандарты качества жизни населения региона. *Ресурсные возможности региона в обеспечении этой миссии составляют его функциональный потенциал*, а степень его реализации обуславливает в перспективе стратегический вектор развития.

Структура функциональных потенциалов, с одной стороны, едина, так как всегда представлена триадой факторов регионального развития (экономическими, социальными, экологическими), с другой — уникальна в силу различного их количественного и качественного «веса».

Одним из проблемных направлений в развитии исследований региональных потенциалов является определение индикатора их состояния и степени использования. В случае стратегического целеполагания речь идет о выявлении единого индикатора, характеризующего состояние территории как объекта управления. Индикатор определяется параметрами, в пределах которых система может устойчиво функционировать и развиваться.

В современном арсенале понятий региональной диагностики в качестве подобного индикатора широко используется «экономический потенциал», который обусловлен потенциальными резервами, возможностями региона к социально-экономическому росту при задействовании всего комплекса ресурсов, имеющихся на территории [2].

Оценка этого индикатора складывается из двух составляющих — его непосредственной оценки и степени использования. Этот индикатор тяжело поддается идентификации. В ряде случаев возможно установить лишь степень использования потенциала без измерения его значения. Между тем разница между экономическим потенциалом и степенью его использования определяет так называемый «коридор» регионального развития — диапазон, в пределах которого может осуществляться стратегическое целеполагание. Основой целевой функцией становится обеспечение долгосрочной конкурентоспособности, которая обуславливает прочность и устойчивость региона как объекта управления на рыночном пространстве.

При всех достоинствах и прогрессивности такого подхода к стратегическому целеполаганию следует отметить, что понятие экономического потенциала не исчерпывает всей сложности структуры потенциала регионального развития, поскольку здесь регион позиционируется как экономическая территориальная система. Однако с позиций геосистемного подхода региональное развитие осуществляется в системе функционального триединства природно-ресурсного, социального и производственного (экономического) блоков.

Есть весьма оригинальные подходы к решению этой проблемы. Наиболее интересными являются трактовка и предложения по измерению социально-экономического

потенциала территории М. Д. Шарыгина и В. А. Столбова [8]. По их мнению, имеющий комплексное содержание и включающий в себя в качестве необходимых компонентов все три упомянутых блока потенциал может быть измерен показателями национального или регионального богатства, стоимостной эквивалент которого предлагается рассматривать как капитал. Большим достоинством данной концепции регионального капитала является совмещение геоситуационного и воспроизводственного подходов. Но при этом утрачивается смысл потенциала, даже такой оригинальный («способность объекта выполнять необходимую работу»), который авторы вначале вводят через заимствования из «социальной физики». Ведь национальное богатство, которое складывается из произведенных ценностей, природных богатств и нематериальных благ, уже есть *результат* функционирования системы, а категория так и не измеренного *потенциала* опять ускользает.

Конструктивность геосистемного подхода, способного объединять природные и общественные основы развития территориальных систем, очевидна, но не достаточна для исследования их динамических качеств. Системность включает лишь познанные, изученные аспекты целостности, которым больше соответствует категория потенциала как совокупности ресурсов. Для исследования потенциала регионального развития необходим эволюционный подход. При изучении циклических закономерностей в развитии сложных систем становится очевидным тот факт, что категория ресурсов претерпевает изменения в процессе развития производительных сил, а циклический характер развития — один из основных механизмов формирования неоднородности пространства.

Во временном аспекте динамики хозяйственных систем видна эволюция целей и задач региональной государственной политики. В период централизованного управления цель государственной политики в отношении региона — территориальной единицы национальной экономики — определялась как всемерная его индустриализация. При реформировании экономики страны ее децентрализации и встраивании в мирохозяйственные отношения, когда регион становится самостоятельным субъектом экономических отношений, цели государственной региональной политики и регионального развития определяются конкурентоспособностью региона на национальном и международном экономических пространствах.

Господство и значимость природных ресурсов в региональном развитии постепенно уходит в прошлое вместе с индустриальными укладами, их сменяют ресурсы информационные и интеллектуальные. Уже не природно-ресурсный потенциал определяет региональное развитие, а инновационный.

Новые концепции регионального развития требуют новой теоретической основы или парадигмы потенциала регионального развития. Эволюция концепции регионального развития от региона, «производящего своими ресурсами», к региону, «принимающему инновации», предполагает, что прогноз (как экстраполяция) роста сменяется прогнозом восприимчивости территории к инновациям, его способности в силу специфики региональной структуры участвовать в «новом» территориальном разделении труда.

Значение пространственной социально-экономической и природной дифференциации для регионального планирования и целеполагания еще больше возрастает. Количественные и качественные соотношения в региональной триаде «природа—экономика—хозяйство» и положение региона в отношениях «центр—периферия» определяют потенциальную возможность и восприимчивость к инновациям и развитию, функцию или миссию региона в общественном производстве.

Если в период, предшествующий становлению рыночных отношений, тема региональных потенциалов в большей степени освещена и разработана географами, то с конца 90-х гг. она привлекает внимание и экономистов. Однако ни с позиций исключительно геосистемного подхода, ни при помощи новых для отечественных исследований концепций региональной экономики (воспроизводственный подход и новые концепции региона) создать логичную систему взглядов на проблему социально-экономического прогнозирования через оценку потенциала регионального развития не удалось. Принимая во внимание сложность региона как социально-эколого-экономи-

ческой системы, решение данной задачи видится не только в совместном использовании геосистемного и воспроизводственного подходов, но и в необходимости эволюционного подхода, суть которого — в изучении циклических закономерностей развития сложных систем — одного из основных механизмов формирования экономической неоднородности пространства. Как известно, чем выше уровень междисциплинарного проникновения в суть проблем, тем долговечней методологический аппарат их исследований.

Список литературы

- [1] *Дмитревский Ю. Д.* Природный потенциал и его количественная оценка // Сов. географы XXI МКГ. М.: Наука, 1968.
- [2] *Дмитриева О. Г.* Региональная экономическая диагностика. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 1992.
- [3] *Игнатенко Н. Г., Руденко В. П.* Природно-ресурсный потенциал территории. Географический анализ и синтез. Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1986.
- [4] *Миц А. А.* Экономическая оценка природных ресурсов (научно-методические проблемы учета географических различий в эффективности использования). М.: Мысль, 1972.
- [5] *Миско К. М.* Ресурсный потенциал региона (теоретические и методические аспекты исследования). М.: Наука, 1991.
- [6] *Приваловская Г. А., Рунова Т. Г.* Естественные ресурсы в народном хозяйстве СССР. М.: Знание, 1977.
- [7] *Рожков В. П.* Задачи изучения агропотенциала // Потенциал геосистем и пути его реализации / Ред. А. И. Щетников, В. В. Рюмин. Иркутск: Изд-во Ин-та геогр. СО АН СССР, 1989.
- [8] *Шарыгин М. Д., Столбов В. А.* Концепция регионального капитала в современных географических исследованиях / География на рубеже тысячелетий // Труды XII съезда Русского географического общества. Т. 1. СПб., 2005.

Санкт-Петербург
n-zigern@mail.ru

Поступило в редакцию
21 декабря 2010 г.

Изв. РГО. 2011. Т. 143. Вып. 5

© **В. Л. МАРТЫНОВ, И. Е. САЗОНОВА**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАСЛЕВОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ ЛАТВИИ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

На 2011 год приходится своеобразный юбилей — 20-летие прекращения существования Советского Союза. Официальной датой «упразднения» СССР считается 6 декабря 1991 г. — день подписания Беловежских соглашений. Но реально процесс распада начался раньше, 5 сентября 1991 г., когда Государственный совет СССР, неконституционный орган власти, созданный после событий 19—21 августа, признал независимость трех прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы. Считается, что этим трем государствам удалось достичь наибольших успехов в экономическом и социальном развитии среди всех республик бывшего Союза. Они вступили в НАТО, стали членами Европейского союза и присоединились к Шенгенской зоне, а Эстония также к «зоне евро» (январь 2011 г.). Положение трех прибалтийских государств во внешнем для них мире несомненно улучшилось.

Но что изменилось внутри этих государств, как трансформировалась пространственная структура общества и отраслевая структура экономики? К сожалению, ответов